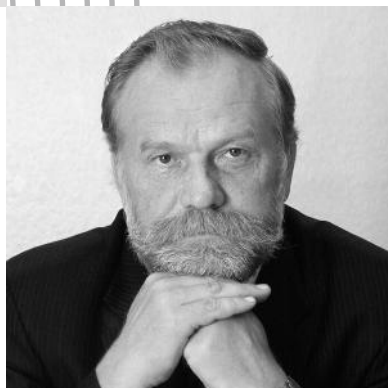

Виктор ПРАВДИН

НЕПОБЕДИМЫЙ ЗЛОМ

Роман-версия. Продолжение¹

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Час разбоя и святости

Будем действовать на земле для Бога и для неба, а не для людей! Будем действовать и для людей, но не с тем, чтоб исторгать у них похвалу себе, а с тем, чтоб принести им истинную услугу и пользу, за что они часто растерзывают своих благодетелей, как глупые и свирепые звери часто растерзывают тех, которые за ними ухаживают и их кормят.

Святитель Игнатий Брянчанинов

1919 г.

*Двадцать второе апреля,
вторник*

Председатель Дисненского уездного исполкома Лесковский вскоре пожалел, что отправил чекиста Маняка на фронт. В уезде без него стало беспокойно, из всех населенных пунктов просто сыпались донесения от волостных руководителей. Они докладывали, что люди игнорируют распоряжения исполкомов всех рангов, особенно касающиеся учета коней, коров, свиней, а также различной мелкой подворной живности: коз, гусей, кур... Крестьяне всевозможными способами прятали от переписчиков животных в лесах и непроходимых болотах. Вследствие этого срывались планы новой власти по снабжению населения продовольствием и тягловой силой для армии.

Созданные на местах волостные советы правили, кто как умел, при-
давали, по мнению Лесковского, чрезмерное внимание отделам народ-
ного просвещения, занимавшимся ликвидацией безграмотности

¹ Начало в №№ 1—3 за 2025 год.

среди простых людей. В населенных пунктах открывались библиотеки, читальни, создавались различного рода кружки, где слушались лекции и проводились литературные чтения. Ему приятно было получать похвалу высшего начальства за организованные простыми людьми общества культурно-просветительного направления, за любительские спектакли и литературно-музыкальные вечера, проводившиеся всюду, хотя никакого отношения к упомянутым мероприятиям не имел. Он просто не прекословил желанию людей, целиком совпадавшему с общепринятыми распоряжениями советской власти. Чаше других хвалили Германовичскую волость, где среди местного населения выделялся некто Язеп Дроздович, который был одним из основателей культурно-просветительского общества «Зарянка» и запомнился Лесковскому тем, что имел необычное отчество — Нарцизович. Этими «зарянковцами», которых насчитывалось более ста человек при 1-й и 2-й Германовичских школах, были созданы курсы по ликвидации безграмотности для взрослых «без различия пола и национальности». Они в своем культурно-просветительском обществе учили крестьян не только грамоте; здесь два раза в неделю проводились занятия по хоровому пению, и это необычное увлечение крестьян вызывало у местных руководителей по меньшей мере непритворное удивление: оккупация, разруха, голод, а им пение подавай! Правда, какое-то время спустя Лесковского попросили дать список руководителей созданных кружков, библиотекарей, лекторов, и он споткнулся: среди них не было ни одного коммуниста. С отчетом не спешил, рассчитывал, что в нынешней путанице полученных постановлений, заданий и указаний, ежедневно «летевших» с телефона, телетайпа и доставлявшихся посыльными, эта незначительная бумажка, как и множество других, потеряется в бедламе никому не нужной макулатуры, о чем начальство вскоре и не вспомнит. Впрочем, так могло и произойти, если бы не вездесущий Малявка.

После ареста иерея Жданова стало беспокойно не только в Шарковщине. В Дисненский уезд поступали доносы на священников всех конфессий, и, казалось, писались они под диктовку. Служителей культа обвиняли в дискредитации советской власти и подстрекательстве верующих противостоят закрытию церквей, костелов, молитвенных домов. Большую проблему начали создавать красноармейцы-дезертиры. Бежали, как правило, те, кто был против советской власти. Они прятались в лесах, глухих деревнях, на хуторах, некоторые прибегали к вдовам-хуторянкам, лишь бы подальше от людских глаз. Война истребила хозяев, а земля, как известно, силы требует, вот и становились солдатики примачами, все-таки лучше, нежели в армии.

Как-то после очередного партийного собрания, на котором руководители губернского исполкома хвалили Лесковского за организацию работы по ликвидации в уезде безграмотности, Малявка, когда остался с ним один на один, сквозь зубы прошептал:

— От людской вольности — плакать не пришлось бы. Пока не поздно, разогнать следует все общества и различные просветительские кружки, ведь вокруг них всякий сброд группируется. Может, председатель уезда знает, о чем там речь ведется?.. А может, наши коммунисты рассчитывают на людскую похвалу за аресты, расстрелы, конфискацию имущества, разрушение церквей?.. Лекторы, определенно, учат не только грамоте да арифметике?.. Чует мое сердце, что нечто нехорошее готовится в уезде... Со всех сторон слухи ползут — заскучали люди по бунтам, Калиновского вспоминают, а кое-кто — и Степана Разина... Так что думай,

товарищ Лесковский, думай и выводы делай, ведь с тебя спросят за все наши просчеты.

Ни одного дня не прошло, чтобы Лесковский не вспомнил эти слова Малявки. Вот и сейчас мелькнула та же поганая мысль. Он аккуратно сложил в отдельную папку не раз прочитанные доносы, которые из-за отсутствия Маняка и недостатка кадров приходилось рассматривать самому, и прикурил папиросу. Не успел и затяжку сделать, как кто-то громко затопал в коридоре, видимо, посетитель отрясал весеннюю грязь с обуви. Председатель пальцами прижал огонек на только что раскуренной папироске и осторожно, с намерением потом ее еще прикурить, положил в пепельницу, умело изготовленную из гильзы от снаряда. Обычным движением нацепил очки, подхватил свою трубку, заранее набитую табаком, притих. Если в кабинет заходил кто-то более-менее стоивший его внимания, Лесковский чиркал спичкой и, громко чмокая, начинал прикуривать табак в трубке. Сейчас, когда присмотрелся и узнал посыльного от Маняка, не слишком стоящего его начальнической персоны, без сожаления положил трубку на стол (не любил долго чмокать, чтобы раскурить), ткнул пальцем в гильзу, вытащил еще теплую папиросу, требовательно выкрикнул:

— Спички есть?

— Нет... — может, с намеком на «господскую болезнь», нет, скорее по своей добродушной натуре ответил человек в фуфайке с заткнутой за узкий ремешок на поясе шапкой-ушанкой. Посыльный шире приоткрыл дверь, глянул на грязь на сапогах, потом на строгого председателя и остался стоять на месте. Он поправил на плече винтовку, подал через порог большой кисет с табаком, туго перетянутый шнурком, проговорил:

— Товарищ Лесковский каждый раз спрашивает одно и то же — спички!.. Так я уж заранее кисет достал... В нем и махра не очень плохая, и огниво сухое. Угощайтесь...

Председатель понял нехитрую насмешку, нарочно весело крикнул:

— Огниво, говоришь?.. Одобряю!.. Оно и меня в окопах никогда не подводило...

Чтобы показать себя начальником, не оторванным от народа, председатель, не обращая внимания на комки красной глины на обуви посыльного, махнул рукой: мол, входи. Сам поднялся и двинулся навстречу. Сегодня ему захотелось самому выбить искру и от фитиля прикурить папироску. Только воспользоваться огнем не успел. В кабинет, будто вихрь, ворвался Маняк и, сильно стукнув посыльного в плечи, гневно крикнул:

— Арестую!.. Как дезертира расстреляю!.. Перед строем!.. Кабы другим nepовaдно было!..

— Я с дороги сбился... Заплутал... — испуганно промямлил посыльный. — Дождь затяжной ежедневно... Бездорожье...

— Четверо суток где шатался? — не желая слушать никакие оправдания, грозно сквозь зубы просипел Маняк и нагайкой замахнулся на посыльного... И стеганул бы, да председатель опередил.

— Отставить! — Лесковский выхватил нагайку из руки Маняка. — Доложи по порядку, если есть за что... — Он оглянулся на поникшего посыльного и без тени сомнения твердо пообещал: — Расстреляем!.. Обязательно расстреляем!..

— Разве дезертир рискнул бы начальству на глаза показываться? — испуганно пробормотал посыльный и, по-детски шмыгнув носом, настороженно добавил: — Может, я важную информацию имею? — Увидел

заинтересованный взгляд Лесковского, выкрикнул: — По лесу плутал и на людей наткнулся, вооруженных.

— А вот с этого момента расскажи подробнее, — Лесковский впился прищуренными колючими глазками в посыльного, приказал: — И на карте покажи место, где встретил дезертиров.

Посыльный шел ва-банк. Он нигде по лесам не плутал. Получив приказ командира отнести записку в Дисну и отдать в руки Лесковскому, сразу сиганул домой. Война войной, но ведь на улице весна... Дома жена болезненная, дети малые — кроме него, некому землю вспахать, яровые посеять. О вооруженных людях не лгал, только в лесу на них наткнулся Федька, сосед. Но ведь он о соседе не расскажет: если правда всплывет, обоих расстреляют. Федька в лесу не только своего коника прятал от реквизиторов, там была и его, посыльного, жеребка. Сосед ведь не только видел незнакомых, он беседовал с ними. Говорил, что к костру приглашали и салом угощали, из баклагы спирта ладно глотнул. Вследствие выпивки и нашли общий язык, а балакали вперемешку по-нашему и по-польски. Хотя были те люди в гражданском, но выправку имели строевую и старшего, пана Яцека, во всем слушались. Тот пан Яцек все допытывался, почему Федор в лесу коней прячет, в каких деревнях красноармейцы обосновались, как местный люд к советской власти относится. На прощание листовку в руки ткнул, а когда узнал, что сосед безграмотен, пересказал написанное. Поведал, что сам Юзеф Пилсудский обращается к красноармейцам и к ним, людям простым, деревенским, призывает не воевать против польских войск, а встречать с хлебом-солью, так как они несут людям настоящую волю и свободу, что никакого угнетения и притеснения со стороны Польши на церкви, костелы, синагоги не будет...

— Я случайно на людей наткнулся, — испуганно поглядывая на Маняка, промямлил посыльный. Напряженный, испытующий взгляд обоих начальников ничего хорошего не обещал, и посыльный, чтобы по своей глупости не попасть в совсем губительное положение, подбирая каждое слово, заикаясь, промямлил: — В лесу костры те люди разводили, я на дымок и направился. Близко подошел, но на глаза не показывался, из укрытия понаблюдал, кое-что подслушал. Нет!.. Не дезертиры те хлопцы, наши по-польски не говорят.

— На карте покажи, — больно толкнул посыльного в бок Маняк.

— Как место на бумаге найду, если грамоте не обучен? — недовольно буркнул посыльный. — Тебе ли, командир, не знать, что крестик вместо подписи ставлю?

— Жди на улице, — отрывисто приказал Маняк.

Неуловимая лукавая усмешка лишь тронула уголки губ посыльного. Он быстренько шмыгнул в двери, но на пороге голос командира, будто гвоздем, пронзил спину:

— Стоять!.. Донесение где?..

Посыльный крутнулся, вытащил кисет с табаком, подал Маняку.

— Здесь оно, донесение ваше тайное... — сказал, удовлетворенно хихикнул и продолжил: — И мы, как говорят, с панами соседи, не только им придумки сочинять... Это ж надо совсем дураком быть, чтобы в махорке донесение искать... А если вражеская морда в кисет ткнется, у меня на раз-два и ответ готов. Скажу: бумажку на ярмарке подобрал, не пропадать же добру... Из нее пять, а может, и шесть самокруток скручу.

— Почему донесение порвано? — покраснел Маняк. — Кто позволил?..

Змитрок МОРОЗОВ

И Я — ОДИН ИЗ ВИНОВАТЫХ...

Стихи

Бог вновь сотворит до рождения дня
лучами пронизанные деревья,
любовью пронизанного меня.

Е. А. Евтушенко

Любовь... Я не смог ее выразить в
слове,
Но знайте: за гранью отпущенных лет
Я просто уйду, захлебнувшись
любовью
К единственной, к матери, к этой
земле.

Упало яблоко со звезд,
Как Божья та слезинка.
На белом свете столько слез...
Моя слеза — росинка.

ВОЙНА

Вновь гибнут на войне солдаты,
Траву живую жнет война.
И я — один из виноватых.
Да только в чем моя вина?

Быть может, в том, что на минутку
Я не заметил, не сберег
Одну травиночку-малютку
Среди истоптанных дорог.

Владимир ТУЛИНОВ

РЕКВИЕМ ЛЕСОВ ВАЛДАЙСКИХ

Повесть. Начало

Генерал-фельдмаршал Вильгельм Йозеф Франц Риттер фон Лееб в наброшенной на плечи шинели стоял возле причудливо украшенного январскими морозными узорами окна своего кабинета. Стужа плотно сковала ледяным покрывалом стекла рамы, скрывая от взоров происходящее за окном. Генерал-фельдмаршал приложил к стеклу большой палец, пытаясь проделать в ледяном наросте подобие смотрового глазка. Старание не увенчалось успехом, и, растирая заолодевший палец, фон Лееб направился к стоявшей в углу кабинета жарко натопленной печке.

— Сегодня, пожалуй, будет еще холоднее, чем вчера, не так ли, герр Кюхлер? — обратился он к сидящему в кресле за большим столом, накрытым материей цвета хаки, военному в генеральской форме.

— Яволь, герр фельдмаршал, — произнес генерал, давно привыкший к любому повороту событий, — прогноз от наших синоптиков: минус тридцать градусов днем с понижением до минус сорока двух ночью.

Худое, изрезанное глубокими морщинами лицо Лееба потемнело; хрустнув костяшками пальцев, он с раздражением заметил:

— Это не гримасы природы, черт возьми, это катаклизмы. К сожалению, они очень мешают нам и помогают русским, которые доказали, что способны вести успешные боевые действия в подобных нечеловеческих условиях. В первую очередь я имею в виду фанатичных солдат противника, которые прибыли сюда, на Восточный фронт, из Сибири и Дальнего Востока.

На лице сидящего в кресле генерала не дрогнул ни один мускул. Казалось, он не придавал особого значения прозвучавшему высказыванию, и фельдмаршал, несколько удивившись, решил продолжить свою мысль:

— В этой связи одной из главных забот остается защита наших войск от экстремальных холодов. Пока нам не удастся избежать обморожений, таких случаев среди личного состава уже слишком много. Каковы ваши соображения, герр Кюхлер, по сути проблемы?

Федор ГУРИНОВИЧ

Я РАЗДАРЮ СЕБЯ ПО КАПЛЕ...

Стихи

У МЕНЯ ЕСТЬ ТЫ

Хоть на земле хватает боли,
Хоть в нашем мире бед не счесть,
Я счастлив только от того лишь,
Что у меня ты в жизни есть.

Перенося невзгоды стойко
Средь пустоты и суеты,
Я счастлив потому лишь только,
Что у меня есть в жизни ты.

В круговороте шумных улиц,
В мельканье быстрого огня
Я счастлив только потому лишь,
Что ты есть в жизни у меня.

ПРЫЩИК

Римме

Ах, какой приснился сон —
Не опишешь даже!
Будто снова я влюблен,
И в нее опять же.

И на лоб спадает ей,
Словно вязь из шелка,
В легком золоте лучей
Ласковая челка.

Глаз небесных глубина,
Кротость губ пугливых.

Людмила БАГДАНОВИЧ

РУШНИК

Два рассказа

ДВА КАРАВАЯ ХЛЕБА

Смеркалось рано. Короткие дни начала зимы оставляли мало времени для домашних работ. Антонина возвращалась с речки, нагруженная ведрами с мокрым бельем. Нужно было торопиться, чтобы успеть его развесить до темноты. Да и комендантский час нарушать нельзя.

Хозяина своего Антонина схоронила еще до войны — надорвался Владимир на тяжелых работах. Старался прокормить большую семью — работал и в колхозе, и людям колодцы рыл. Доставал большой камень из котловины, пересилился, слег и уже не поднялся.

Их деревня Озерцы с первых дней июля была под немцем. После боев за Толочин фронт пошел дальше, оставив изрытые снарядами поля и почти сплошь «женские» деревни. Тех молодых хлопцев, кого не мобилизовала отступавшая Красная армия, новая немецкая власть отправила на работы в Германию. Вот и сыночка Славочку в тот день погрузили с другими в кузов и повезли. Антонина схватилась за борт машины и бежала. Немец прикладом бил ее по пальцам, но она бежала, пока могла, потом упала... Ее подняли сельчане, привели домой. Почерневшие пальцы почти не чувствовала, перевязала тряпкой и кое-как работала по дому. И молилась. Много. За Славочку и за других деток своих.

Иосиф был в Москве, за него душа не болела. Правда, в листовках немецких, расклеенных повсюду, читала, что немцы взяли Москву, но не верила, как и другие жители деревни. Недаром по железной дороге шли немецкие эшелоны на фронт — значит, не выходило с Москвой-то!

Когда немцы заняли Оршу — пришли вести об ее Яне. Знакомые рассказали, что она в санитарном поезде работает — успела уехать с ним перед самым приходом фашистов в город. С самой старшей — Викой — беда. Муж ее, Александр, красавец, танцор, с которым и пожить-то не успела, сразу ушел на фронт. Вскоре пришла похоронка... Вика криком кричала, а вместе с ней кричала и ее крошечная Люда, напившись маминого «нервного» молока. А потом молоко и вовсе пропало. Искали корову, разводили коровье молоко кипяченой водой и поили младенца. Антонина, выхлопотав аусвайс — пропуск немецкий, ходила к Вике, уго-

варивала... Средняя дочь Мария работала на железной дороге и получала иногда сахар и чай. Сахар добавляли к черному хлебу, заворачивали в тряпочку и давали младенчику пососать. Сладкая «соска» успокаивала, и Людочка засыпала.

Где-то в Гродненской области работала медсестрой Роза. С Антониной оставалась самая младшая — Аля. Ей бы в школу ходить, а тут — война. Антонина сама учила дочку буквам. Питались скудно. Немцы забирали с каждого двора скотину, запасы картофеля, зерна. Их Зорьку оставили — кожа да кости, а не корова. Пока снег не выпал — водила корову пастись на траву. А теперь — корми чем хочешь. Солома прошлогодняя и жменя сухой травы — вот и весь корм. Алечка, худенькая — в чем и душа держится, занемогла. Волосы сбились, а по всей голове разползлись чирьи. С каждым днем они разрастались, появлялись новые и скоро слились в одну болезненную и зудящую корку.

— Золотуха! — поставила диагноз бабка-травница, к которой Антонина водила девочку.

— Чем спасать малую? — оторопело выдавила из себя Антонина.

Лекарка дала ей траву череды и чистотела. Голову Али полоскала и протирала отварами, но ничего не помогало. И она решилась! Взяла баночку сливочного масла, припрятанного на черный день (куда уж чернее?), и повела Алю к немецкому врачу. Говорила она по-белорусски. Врач видел, что просит о чем-то мать. А когда сняла платок с головы ребенка — немец все понял. Что-то коротко сказал и вышел в другую комнату. Оттуда вынес стеклянную баночку, объясняя жестами, что ее содержимым надо мазать голову. Антонина протянула ему масло, он замахал руками. Понимал врач, что ребенок болеет от голода. Остановил кланяющуюся женщину и сунул ей в руки... два больших каравая хлеба! Антонина застыла от неожиданности. Из глаз брызнули слезы. «Прач! Прач!» — на ломаном русском приказал немец и показал ей на телогрейку. «Раздавшаяся» в пояснице мать вела домой свою девочку и просила никому не рассказывать о том, что произошло.

Дома к «тошнотикам» (так называли дети олады из мерзлой сладковатой картошки) мама давала Але ломтик хлеба, тоненько, «на просвет», смазанный старым прогорклым маслом. Но как же это было вкусно! А главное — от немецкой мази стали сохнуть и отваливаться корки с головы. Девочка уже могла спать без боли.

Девочка Аля выросла и стала учительницей. Нам, своим детям, она говорила, что в любой нации есть порядочные и добрые люди. Что не все немцы были фашистами и хотели войны. Учила быть чуткими к чужому горю и ценить то малое, что дается в жизни. Великое уважение к хлебу воспитывала в нас с раннего детства, ведь простой хлеб может быть ценой чьей-то жизни.

Уже нет в этом мире моей мамы. Нет и немецкого врача, который спас ее.

Надеюсь, Господь воздал ему за выполнение врачебного долга — безусловное, не зависящее от того, какой национальности больной перед тобой. И за два каравая хлеба для ребенка!

«Неужели я никогда не увижусь с тобой?..»

Неизвестные письма Юрки Лявонного

Телефонный звонок Натальи Александровны Адамович в мае 2020 года стал неожиданным юбилейным подарком Белорусскому государственному архиву-музею литературы и искусства, который готовился отметить свое шестидесятилетие. Наталья Александровна сообщила, что не так давно познакомилась с издателем и главным редактором русского межконтинентального литературного журнала «Грани» Татьяной Александровной Жилкиной. Татьяна Александровна обратилась к Наталье Александровне с просьбой-предложением опубликовать несколько глав из последней книги ее отца — белорусского писателя Алеся Адамовича — «Vixi» («Прожито»). А позже Татьяна Александровна рассказала, что ее мама, русская поэтесса Елена Жилкина, долгие годы хранила письма белорусского поэта Юрки Лявонного. Об этом мне и сообщила Наталья Александровна. Очень скоро завязалась переписка. Татьяна Жилкина в то время работала над книгой, посвященной своей матери, и планировала включить в нее эти письма. Подлинники же согласилась передать на хранение в белорусский архив с разрешением опубликовать их в одном из белорусских изданий. Весной 2024 года Наталья Адамович побывала в Москве в гостях у Татьяны Александровны и доставила письма Юрки Лявонного в Беларусь.

Татьяна Александровна Жилкина — литератор и журналист, член Союза российских писателей, хранительница архива своей матери. Родилась в Иркутске. Окончила филологическое отделение историко-филологического факультета Иркутского университета, сотрудничала с газетами и журналами Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока. В 1970-е годы работала в литературном журнале «Радуга» в Киеве. В начале 1980-х переехала в Москву, работала в только что созданном журнале «Литературная учеба». Публиковала литературные эссе, документальные рассказы и очерки о писателях Вениамине Каверине, Александре Вампилове, Константине Симонове, генеральном авиаконструкторе Олеге Антонове, летчике-испытателе Марине Попович, музыканте Мстиславе Ростроповиче. В 1992 году, после того как редакция журнала «Грани» из Франкфурта-на-Майне переехала в Москву, Елена Александровна стала его бессменным главным редактором, а с 1997 года и издателем. В «Гранях» опубликованы ее материалы «Родился гением» об Александре Вампилове, «Где-нибудь в Прошлом или Грядущем» — интервью с поэтом Юрием Левитанским, «Письмо писателю Борису Зайцеву в 1922 год», «Из небытия» — литературное эссе о Владимире Дмитриевиче Набокове, «Фамильная хроника Карамзиных» и другие.

Белорусский поэт Юрка Лявонны и русская поэтесса Елена Жилкина встретились в одной из экскурсионных поездок молодых советских писателей. Очень хотелось найти сообщение в «Литературной газете» именно об этой поездке, но мне не повезло. Очевидно, она

была следующей за июльской — первой в организационной работе Союза советских писателей, о которой «Литературная газета» от 5 июля 1935 г., № 37 поместила маленькую заметку: «25 молодых писателей и поэтов Москвы, Киева, Свердловска, Архангельска, Белоруссии, Киргизии, Грузии, Башкирии выехали недавно из Москвы в двухнедельную поездку по Днепру. Экскурсия организована сектором молодых писателей ССП. В дальнейшем сектор предполагает организовать для молодых писателей краев и областей Союза поездки на Беломорканал, в Кузбас, Москву и Ленинград». Романтика путешествия сблизила две поэтические души, и расстались они, сами того не ожидая, больше чем товарищами по поездке. Завязалась переписка, полная признаний, надежд и стихов...

Поэт, прозаик, очеркист Юрка Лявонны (Леонид Николаевич Юркевич) прожил всего двадцать девять лет. История его короткой жизни вмещает учебу в семилетке, Могилевском белпедтехникуме, Белорусском государственном высшем педагогическом институте, работу в редакциях газет и журналов, многочисленные публикации, пять поэтических сборников и сборник очерков. Он был членом литературного объединения «Маладняк» и членом Союза писателей БССР. Будучи членом молодежного литературного объединения, как и многие другие, должен был написать «Автобиографическую характеристику» — своеобразный документ-признание, в том числе и в своих «литературных грехах». Этот уникальный документ, который сохранился в архивном фонде «Маладняка», раскрывает многие факты биографии Юрки Лявонного: его происхождение (в съездовской анкете «Маладняка» сам написал «из крестьян»; энциклопедии утверждают — «из семьи служащего»), даты его первых публикаций, его литературные предпочтения. Приведем этот документ без сокращений, но в переводе на русский язык.

«Родился я в 1908 году в семье учителя Чаусского уезда (Могилевщина). Благодаря тому, что у отца была довольно значительная

собственная библиотека — читать приспособился довольно рано — с 6 лет читал. Читал, понятно — вразброд — без системы, что в свое время и отразилось на дальнейшем развитии. Некоторая склонность к писательству проявилась уже в годы учебы в Чаусской школе II-й степени. (Образцовое преподавание литературы).

С белорусским творчеством немного познакомился в январе 1925 г., когда слушал белорусоведение на Могилевских общеобразовательных курсах. Сразу заинтересовался ею, но вообще о современном состоянии литературы имел очень плохое представление. Первым печатным шагом были селькоровские заметки в газете «Соха и молот» (весной 1925 г.), которые писал из своей деревни. Там же был напечатан мой первый «поэтический опыт» — стихотворение «В дни скорби» — на русском языке. После закрытия «Сохи» — писал в «Магілёўскі селянін», связь с редакцией которого я поддерживаю и теперь. Но с момента поступления в Могилевский Белпедтехникум начал помещать уже не селькоровские корреспонденции, а чисто литературный материал — в большинстве стихи, частично — по-русски, под псевдонимом «Л. Леонидов».

Характер и направление стихотворений диктовался, как правило, той или иной кампанией, так, например, написаны «У будучыню!» (ко дню урожая), «Частушачкі» (к юбилею газеты) и т. д.

С октября 1925 года, со вступлением в Могилевскую филию объединения «Маладняк» — начинаю основательно и систематически заниматься изучением техники стихосложения, разбором новейших авторов и вообще — самообразованием в этом направлении.

На данный момент я сотрудничаю с литературным отделом газеты «Савецкая Беларусь», печатался, прозой, в журнале «Малады артыст».

Из русских поэтов — смотря по настроению — больше всего люблю барабанность Маяковского, размах Есенина, тихое созвучие Доронина.

Из старших молодняковцев наиболее нравится мне композиция образов Яз. Пушчы и оригинальная проза К. Чорнага.

Считаю для себя наиболее вредным мое последнее увлечение имажинизмом, которое, безусловно, не совсем соответствует цели объединения, к которому я принадлежу...

Думаю, что это течение, под трезвым взглядом на цели пролетарского творчества — пройдет, как и многое проходит в 17 лет!..

Останется только здоровый, реальный подход к отражению жизни, останется бодрая, светлая целеустремленность на основании классово-марксистской идеологии! 13/V. 26 Юрка Ляв... (Л. Юркевич) г. Могилев¹.

Письма Юрки Лявонного, чудом сохранившиеся до нашего времени, дополняют наши знания о его жизни и творчестве, о его увлечениях, его окружении. После окончания Белорусского государственного высшего педагогического института встала проблема, прежде всего, жилья. К этому времени он обзавелся семьей. В сентябре 1935 года он писал Елене Жилкиной: «Немножко о перспективах. Весьма вероятно, что я перееду в Могилев — в качестве сотрудника редакции «Коммунара Могилевщины» и преподавателя западной литературы полит-просвет-института. Из-за квартиры»; «С завтрашнего дня иду на работу — во Всебелорусский комитет радиовещания, очеркистом по так называемым актуальным передачам. Вероятно, временно, так как не покидаю мысли о переезде в Могилев».

¹ БГАМЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 9. Л. 64—65.

Белорусская литература. Взгляд со студенческой скамьи

Круглый стол с участием студентов филологического факультета
Белорусского государственного университета

Встреча ровесников: филологического факультета БГУ, которому исполнилось 85 лет, и журнала «Нёман» — 80-летнего свидетеля истории словесных судеб десятков тысяч авторов и читателей — произошла в рамках круглого стола «Белорусская литература. Взгляд со студенческой скамьи», который состоялся 20 декабря 2024 года в стенах Белорусского государственного университета.

Мероприятие стало настоящим торжеством Слова и началом дружбы между новым поколением авторов и будущих литературных критиков — студентов 3 курса специальности «Русская филология» и мудрым многолетним старцем «Нёманом», который Наталия Николаевна Костюченко возглавляет.

Будучи инициатором встречи, я почти год на практических занятиях курса «История литературной критики» курировала студентов-словесников, которые упражнялись в написании рецензий на произведения современных белорусских авторов. Всего было написано свыше 30 работ (по творчеству Виктора Шнипа, Анатоля Зэкова, Михаила Позднякова, Виктора Правдина, Татьяны Дашкевич, Валентины Дробышевской, Анны Чиж-Литаш и др.). Естественным было желание представить труды молодых критиков на суд главному редактору журнала.

По предложению Н. Н. Костюченко студенты также подготовили эссе на темы «Есть ли будущее у бумажной книги?», «Каким хочу видеть современного автора», «Будем помнить», основные идеи которых были озвучены и обсуждались на круглом столе. Были отобраны лучшие работы и отрывки из них для опубликования в журнале.

Со студентами филологического факультета БГУ

Наталия Николаевна поведала студентам историю журнала — старейшего русскоязычного бренда страны, ровесника Победы в Великой Отечественной войне, пропагандирующего все лучшее, что создается в области литературы и искусства, особо подчеркнув верность издания традиционным духовно-нравственным ценностям.

Она внимательно выслушала молодых авторов (студентов Манкевича Артура и Касилович Евгению), представивших на суд свои робкие пробы пера, и пригласила всех, ищущих себя в творчестве, без стеснения приносить в редакцию свои произведения. «Оценим, подскажем, поможем, а лучшее будем публиковать», — пообещала Наталия Костюченко ребятам.

В свое время на филологическом факультете БГУ учились и работали восемь из семнадцати народных писателей Беларуси: Якуб Колас, Кондрат Крапива, Петрусь Бровка, Иван Мележ, Иван Науменко, Нил Гилевич, Рыгор Бородулин, Иван Чигринов. Это не может не мотивировать новые поколения студентов на собственное творчество.

Приятным сюрпризом для присутствующих стало выступление писательницы Татьяны Дашкевич, которая привнесла в дружескую встречу ноты душевной теплоты, исполнив песни на свои стихи. К слову, на книгу Т. Дашкевич «Вока», выпущенную в прошлом году издательством «Мастацкая літаратура», студентами было написано более десятка рецензий.

С трепетным чувством препоручаю в руки Наталии Николаевны Костюченко работы моих студентов, потому что знаю, с какой ответственностью и серьезностью они подошли к написанию эссе, а еще в большей степени — к подготовке рецензий. Надеемся, что лучшие из этих работ читатели увидят на страницах «Нёмана» и других изданий Беларуси.

В рамках совместного проекта с журналом «Нёман» студенты-филологи БГУ будут пробовать себя также и в качестве переводчиков произведений современных авторов с белорусского на русский язык.

Хочется верить, что разновекторные возможности для реализации своего творческого потенциала, которые предложила студентам Наталия Костюченко, позволят молодым авторам достойно продолжить традицию служения литературе, которая была заложена их славными предшественниками — выдающимися мастерами слова, и в будущем также занять свое достойное место в истории словесности родной Беларуси.

**Кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русской литературы
Татьяна Сидорова**

Сидорова Т. П., Дашкевич Т. Н.,
Костюченко Н. Н.

«Я еще многое могу!»

Интервью с Эдуардом Ханком

В советское время имя композитора Эдуарда Ханка было суперпопулярным. Его песни «Зима» («У леса на опушке...»), «Малиновка», «Я у бабушки живу», «Завіруха», «Вы шуміце, бярозы» и десятки других знала вся страна. И не просто знала — любила и пела: в домашних застольях, на свадьбах и вечеринках.

Без преувеличения можно сказать, что песни, созданные Эдуардом Семеновичем, составляют золотую коллекцию хитов советской эстрады. Сразу же после первого появления на телеэкране они обретали всенародную популярность и признание. Их исполняли самые известные певцы, лучшие вокально-инструментальные ансамбли: «Песняры», «Верасы», «Сябры»...

В чем же секрет невероятного успеха? Ответ, на мой взгляд, нашел популярный белорусский певец Александр Солодуха, который однажды сказал: «Эдуард Ханок — уникальный, мегаталантливый композитор, мелодист от Бога, он умеет писать хиты, которые живут в душах и сердцах миллионов людей». А музыковед Ольга Брилон подчеркнула главную особенность творчества Эдуарда Ханка: «Его песни были не только визитками самого композитора или «Верасов». Они стали музыкальными визитками нашей Беларуси. Благодаря этим песням еще больше полюбили наш народ. Эти песни открывали сердца для белорусов в самых разных уголках Советского Союза».

Мы встретились с композитором, чтобы поговорить о жизни и творчестве в преддверие 85-летнего юбилея, когда он готовил авторский праздничный концерт в Белорусской государственной филармонии.

Эмануил ИОФФЕ

Он научил нас читать

К 90-летию Анатолия Клышко

Анатолий Клышко — человек многих талантов: писатель, литературовед, критик, переводчик и педагог. Но многие поколения в первую очередь знают его как автора знаменитого «Буквара», который увидел свет в 1969 году и выдержал более сорока изданий.

Известный ученый Марат Ботвинник, анализируя творческое наследие Анатолия Клышко, справедливо подчеркнул, что он создал новую систему обучения грамоте, которая выделяется особенной структурой, глубоким содержанием, основательными знаниями лингвистики, психологии, дидактики, литературоведения. В 1977 году «Буквар» Анатолия Клышко был награжден золотой медалью Международной Лейпцигской выставки. И это только одна из многочисленных наград этого учебника.

Малая родина Анатолия Константиновича — деревня Данейки в теперешнем Барановичском районе Брестской области. Здесь 16 апреля 1935 года в крестьянской семье Константина Николаевича и Елены Степановны Клышко начался жизненный путь будущего автора «Буквара». Его мать была известной в окрестностях певуньей, песенницей, о чем свидетельствуют фольклорные записи.

В 1949—1952 годах Анатолий учился в Новогрудском педагогическом училище, после окончания которого работал корректором новогрудской газеты «Звезда», ответственным секретарем газеты «Физкультурник Беларуси».

В 1953 году Анатолий Клышко поступил на отделение белорусского языка и литературы филологического факультета Белорусского государственного университета. Вскоре после перевода на заочное отделение стал работать сотрудником газеты «Літаратура і мастацтва». После окончания БГУ в 1958 году Анатолий Константинович занял должность инструктора по печати ЦК ЛКСМБ. С 1959 года он учился в аспирантуре Института литературы имени Янки Купалы Академии наук БССР. В 1961—1963 годах работал старшим редактором сценарного отдела киностудии «Беларусьфильм».

В беседе с автором этих строк Анатолий Клышко признался, что интереснее всего ему было работать в журнале «Полымя» — литературным работником отдела критики (1960—1961), редактором отдела науки и искусства (1963—1970), заведующим отдела критики (1986—1990).

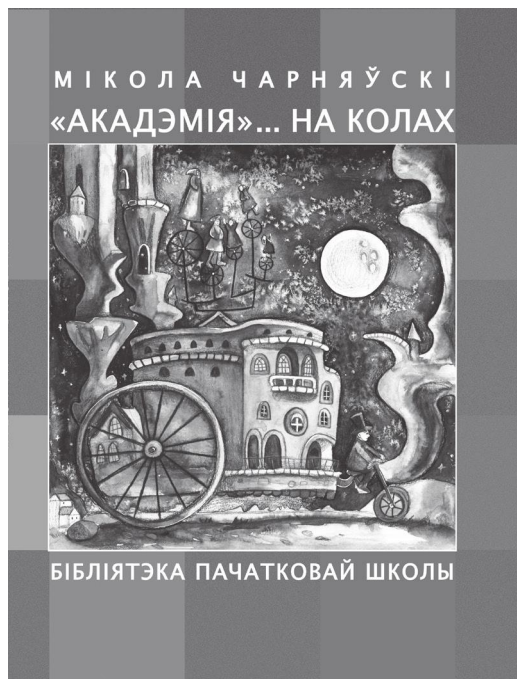

Анатолий ЗЭКОВ

О профессиях — серьезно и весело

Рецензия на книгу Миколы Чернявского «Акадэмія»... на колах»

В последнее время в Беларуси издается немало литературы для детей и подростков о самых разных профессиях. Существуют даже специальные серии. Правда, в большинстве своем это популярная познавательная литература. Книга Миколы Чернявского «Акадэмія»... на колах», вышедшая в издательстве «Мастацкая літаратура» в серии «Бібліятэка пачатковай школы», заметно выделяется из этого списка: она художественная.

В центре ее — одноименный цикл рассказов, который вполне можно назвать небольшой повестью, поскольку они связаны одними героями, главные из которых — мальчишка Андрейка и его отец-агроном. Вместе они объезжают поля, и в этой поездке отец знакомит сына с разными сельскохозяйственными культу-

рами, методами их возделывания и уборки, рассказывает о вредителях и борьбе с ними. Андрейка узнает от отца, что такое севооборот, как много полезных веществ в гречке, почему в поле почти не найти для рыбалки дождевого червя и еще много интересного.

В этих рассказах читатель прослеживает и еще одну сюжетную линию — ссора Андрейки и его приятеля Толика. Как это нередко бывает у ребятни, поссорились мальчишки из-за пустяка. А помирили их отцы — агроном и комбайнер — прямо в поле. Помирили тонко, как будто походя. Как им это удалось, читатели узнают из заключительных рассказов цикла «Казакі-памочнікі» и «Вясёлка над полем». Важно отметить, что в этих текстах Микола Чернявский проявляет себя как истинный педагог-психолог.

А вот в стихотворении «Сустрэча з зубрамі» учащиеся всем классом приходят посмотреть властелина пущи... на завод, где производят известные далеко за пределами Беларуси автомобили «МАЗ» с эмблемой зубра, правда, в отличие от беловежских, «Гэтых хоць рукой бяры — // Не баднуць рагамі».

Тема профессий находит свое продолжение и в некоторых других стихах поэта: «Чарадзеіныя пруткі», «Майстры», «Змайстравалі сані» и

«Буркатун». Кстати, последний — это трактор, который, по утверждению автора, *«Як бурчаць аднойчы перастане — // Жыта ў рост вясной тады // Не ўстане»*.

Стоит заметить, что о профессиях Микола Чернявский пишет легко, образно и весело, от чего они становятся интересны и привлекательны даже для тех, кто знакомится с ними впервые. Кто знает, может эти стихи так увлекут кого-то из читателей, что с выбором профессии он определится еще в детстве.

Из книги читатели узнают и много интересного: кто такие «Ваяўнічы верабей» и «Самастойны свавольнік», а также «Аб чым пяе крынічка», «Каго баіцца зубр?» і «Колькі ў сонейка сяброў?». Побывают на необычном «Уроку ветлівасці» и на «Вясёлым кросе». Порадуются, что «Сонейка ўзышло», и увидят, «Як малююць дзеці...».

Помещены в книге и две сказки. Каждый персонаж Миколы Чернявского представлен со своими повадками и привычками, если хотите, со своим характером. В сказке «Захварэў аднойчы леў» писатель рассказывает о настоящей дружбе, когда на помощь больному приходят его лесные братья: *«Годзе нам // Варон лічыць.— // Трэба Льва // Хутчэй лячыць!»* И вот один принес баночку меда, другой — цветочки липы, третий предлагает попить чаю с малиной. Вепрь притащил даже чугунок сваренной картошки и попросил подышать паром, исходящим от нее. А вечером ко Льву заглянул Пеликан — признанный фельдшер: *«Добра выслухаў яго, // Добра выстукаў яго, // Загадаў: // — Скажы мне “а-а-а”»*. Но прошла хрипота, и Лев вдруг заревел: *«— Дык які ж я цар звяроў?! // Я не Львом // Ужо зрабіўся! // Дзе мой грозны // Хрып згубіўся? // Хто ж мяне // Баяцца будзе?»*. Случается, оказывается, и такое. Ведь Льву важно — не просто быть здоровым, а еще и не потерять при этом свою грозность.

О Лисе и ее хитрости существует немало сказок — и народных, и авторских. Микола Чернявский придумал свой собственный сюжет, который настолько драматургичен, что вполне может быть использован в школьной новогодней инсценировке. Его *«Ліса-калядоўшчыца»* начинается с того, что *«Ноч не спалася Лісе — // Есці ўсё хацела. // А кладоўка пакрысе // Раптам апусцела»*. И так, как это случилось перед самым Рождеством, она, чтобы не голодать, решила вдруг поколядовать. А чтобы плутовку никто не узнал, *«Маску хуценька зрабіла, // Каб казою выглядаць, // Рогі з сучча начапіла // <...> Адшукала кажушок, // Зношаны, казіны, // Узяла кіёк, // Мяшок»* — и пошла по дворам. Вот только кушанья для себя новоявленная «коза» просила явно не козьего, а, конечно же, лисьего, чем и выдала себя, а, убегая от натравленного на нее хозяином пса Барбоса, осталась без кутьи и колбасы. Вот к чему приводит хитрое притворство ради своего собственного благополучия. Не это ли показательный пример и для нас, людей?

Сказки Миколы Чернявского, как уже не однажды отмечалось критикой, легки для восприятия. Автор подмечает и воспроизводит такие яркие детали, вырисовывает такие зримые характеры — людские, звериные и птичьи, — что его герои оживают, как картинки в мультфильме. Кстати, а почему бы на творчество Миколы Чернявского не обратить внимание нашим мультипликаторам? Мне кажется, что сказки поэта, и не только помещенные в книгу «Акадэмія”... на колах», вполне достойны быть воплощенными на экране.

ПРАВДИН Виктор Александрович. Родился в 1955 году в городе Лида Гродненской области. Окончил Высшую школу МВД СССР. Автор ряда книг прозы. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Живет в Минске.

МОРОЗОВ Змитрок (Дмитрий Дмитриевич). Родился в 1954 году в поселке Язбы Крупского района Минской области. Окончил агрономический факультет Белорусской сельскохозяйственной академии. Автор 30 книг поэзии и прозы для детей и взрослых, а также первого в славянской поэзии венка венков сонетов «Апакаліпсіс душы». Лауреат премии Ленинского комсомола Беларуси и премии Федерации профсоюзов Беларуси, Республиканской литературной премии «Золотой Купидон». Живет в Минске.

ТУЛИНОВ Владимир Максимович. Родился в 1947 году в городе Житомире в семье военнослужащего (Украина). Окончил Военный институт иностранных языков (Москва). Прозаик, публицист, поэт, переводчик. Автор книг «Язык мой — друг мой», «Победа одна на всех», «Восточное направление» и др. Живет в Минске.

ГУРИНОВИЧ Федор Федорович. Родился в 1950 году в деревне Кривичи Солигорского района Минской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Автор ряда книг поэзии и прозы. Лауреат Литературной премии имени Янки Мавра, Национальной литературной премии Беларуси. Живет в Солигорске.

БАГДАНОВИЧ Людмила Николаевна. Родилась в 1970 году в Берестовицком районе Гродненской области. Окончила факультет библиотекосведения и библиографии Минского института культуры. Автор «Этнаграфіі маёй вёскі». Имеет публикации в республиканских СМИ. Живет в деревне Вороны Берестовицкого района Гродненской области.

ОБУХОВСКАЯ Татьяна Иосифовна. Родилась в 1970 году в городе Мосты Гродненской области. Окончила филологический и юридический факультеты Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Стихи печатались в республиканских периодических изданиях и коллективных сборниках. Живет в агрогородке Дубно Мостовского района Гродненской области.